

Агеев Кирилл Игоревич,
Вербовецкая Алина Павловна,
Дорофеева Кристина Алексеевна,
обучающиеся Ноябрьского института
нефти и газа (филиал ТИУ в г. Ноябрьске)

Кручинин Сергей Васильевич,
преподаватель Ноябрьского института
нефти и газа (филиал ТИУ в г. Ноябрьске)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТОВ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК: 343.6

Авторы статьи обращаются к анализу объекта преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ. Это связано прежде всего с тем, что объектом охраны выступают общественные отношения в сфере защиты жизни и здоровья беременной. В теории и практике давно назрела необходимость расширить понимание объекта, включив в него и отношения по защите установленного порядка производства искусственного прерывания беременности. В публикации рассматривается природа понятия «незаконный аборт», правовая ответственность и элементы состава незаконного проведения искусственного прерывания беременности.

The author of the article turns to the analysis of the object of the crime provided for in Art. 123 of the Criminal Code of the Russian Federation. This is primarily due to the fact that the object of protection is public relations in the sphere of protecting the life and health of a pregnant woman. In theory and practice, there is a long overdue need to expand the understanding of the object, including relations to protect the established procedure for the production of artificial termination of pregnancy. The author examines the nature of the concept, legal liability and elements of the illegal abortion.

Ключевые слова

аборт, искусственное прерывание беременности, правовое регулирование, уголовная ответственность.

Key words

abortion, artificial termination of pregnancy, legal regulation, criminal liability.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Уголовно-правовую охрану репродуктивного здоровья можно обозначить как совокупность мер, обеспечивающих свободу и возможность реализации репродуктивного выбора через установление уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным прерыванием беременности; распространением социально значимых заболеваний, представляющих опасность для репродуктивного здоровья; защитой генома человека и др. Много вопросов возникает в части квалификации деяний по ст. 123 УК РФ [2]. Федеральным законом от 25.11.2013 № 317-ФЗ [3] было изменено название статьи. Если ранее речь шла о незаконном производстве аборта, то теперь – о незаконном проведении искусственного прерывания беременности. К сожалению, изменение терминологии не позволило устранить внутренние противоречия данной нормы [3, с. 42].

В частности, неурегулированным остался вопрос о границах законности и незаконности проведения процедуры. Согласно ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], законным признается аборт, «произведенный по согласию женщины при сроке беременности до двенадцати недель».

Искусственное прерывание беременности проводится:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

- а) при сроке беременности четвертая – седьмая недели;
- б) при сроке беременности одиннадцатая – двенадцатая недели, но не позднее окончания двенадцатой недели беременности;

2) не ранее семи дней с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности при сроке беременности восьмая – десятая недели беременности.

При этом прерывание беременности осуществляет врач специального профиля [22, с. 150] и только в медицинском учреждении при согласии женщины или в отдельных случаях по решению суда. Однако УК РФ связывает уголовную наказуемость деяния только с одним признаком противоправности – производством операции лицом, не имеющим специализации врача-акушера-гинеколога. В итоге возникает серьезный крен в защите репродуктивного здоровья: если аборт производится врачом иной специализации в медицинском учреждении, наступает уголовная ответственность, а если акушером-гинекологом в домашних или подвальных условиях – дисциплинарная ответственность.

Вызывает вопрос и правовая оценка действий врача, производящего аборт в отсутствие согласия потерпевшей или в нарушении сроков операции. В первом случае деяние должно быть квалифицировано согласно ст. 111 УК РФ, считаться умышленным и наказываться лишением свободы, а во втором – заслуживать дисциплинарного наказания.

ОТЛИЧИЯ НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ ОТ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

1. Различие данных преступлений состоит в одном из элементов состава преступления – объекте. В ст. 106 непосредственный объект – это жизнь новорожденного ребенка, следовательно, новорожденный будет являться потерпевшим от указанного деяния [7, с. 103]. Эмбрион в ст. 123 не будет являться потерпевшим, так как он не признается еще человеком. Потерпевшим лицом в данном преступлении будет признаваться беременная женщина. Существуют такие обстоятельства, при которых смерть причиняется рождающемуся ребенку, в этом случае он будет являться потерпевшим лицом, но не от аборта, а от убийства. Такой же точки зрения придерживается В.Г. Трифонов [7, с. 185]. Подобная ситуация возможна в том случае, когда роды возникают в процессе незаконного проведения искусственного прерывания беременности, и ребенку, который появляется на свет из утробы матери, причиняется смерть. В данной ситуации деянию надлежит дать квалификацию по совокупности преступлений, которые предусмотрены ст. 123 и 105 УК РФ.

В случае когда смерть ребенку во время родов причиняет сама мать, то при наличии смягчающих обстоятельств женщина будет подлежать ответственности по ст. 106 УК РФ. В рассматриваемой проблеме играет большую роль та грань, которая отделяет убийство от незаконного аборта. При появлении какой-либо части тела новорожденного вне утробы матери, то есть начало момента рождения, и есть та самая грань.

Существующий принцип дает нам право подобающим образом оценивать действия женщин, которые умышленно удушают своих детей во время родов либо наносят смертельные раны в голову ребенка, а также умышленные действия медицинского персонала, которые направлены на причинение вреда младенцу. В медицинском смысле новорожденность можно определить как начальный период существования ребенка и адаптации его к условиям внеутробной жизни, с момента рождения до четырехнедельного возраста [8, с. 201].

Незаконным аборт квалифицируется умерщвление

плода до указанного момента рождения ребенка. Неубедительным представляется мнение, в соответствии с которым посягательство на плод отождествляется с посягательством на жизнь человека [2, с.19]. Следуя данной логике, незаконное проведение искусственного прерывания беременности должно в любом случае повлечь за собой квалификацию по совокупности преступлений: за убийство неродившегося «человека» и за «криминальный аборт». Отмечается, что в данном случае, даже легальное проведение аборта – это убийство, поэтому деяние должно квалифицироваться в соответствии со ст. 105 УК РФ, самоаборт также относится к посягательству на жизнь человека. Покушением на убийство при таком понимании можно называть неудавшуюся попытку прерывания беременности. Практический интерес также представляют способы маскировки подобных преступлений. О них подробно написали В.В. Солодовник и Н.В. Тишкина [5, с. 71].

Таким образом, при условии понимания начального момента жизни внутриутробным периодом полностью стираются различия между искусственным прерыванием беременности и убийством, соответственно, необоснованно ужесточается уголовная ответственность за деяние, которое целесообразно считать правомерным. Уголовно-правовая доктрина не принимает подобный подход, ведь он влечет негативные последствия, которые противоречат как общесоциальному, так и общеправовому восприятию явлений.

2. Объективная сторона незаконного проведения искусственного прерывания беременности состоит в действиях, которые носят незаконный характер и направлены на прерывание беременности. Преступление, регламентированное ст. 106 УК РФ, в части объективной стороны предусматривает как действие, так и бездействие лица, при которых достигается смерть родившегося либо рождающегося ребенка.

3. Анализируемые деяния различаются по субъекту. Субъектом незаконного производства аборта может быть любой вменяемый человек, достигший 16-летнего возраста, за исключением лиц, имеющих высшее медицинское образование соответствующего профиля. Сама беременная женщина не является субъектом рассматриваемого преступления. Такой подход представляется обоснованным. Субъектом незаконного производства аборта женщина становится лишь в тех государствах, где аборт запрещен либо его производство весьма ограничено (например, ч. 2 ст. 145 УК Испании). Женщина, осуществившая так называемый самоаборт, не несет ответственности по действующему уголовному закону и не может быть признана потерпевшей от данного преступления. Однако как оценивать ситуацию, когда женщина выступает в роли организатора, подстрекателя незаконного производства, аборта в отношении самой себя? Как отмечал С.Я. Улицкий, «коль скоро законодатель не считает уголовно наказуемым совершение аборта самой беременной, то не соответствовало бы смыслу закона привлечение ее к уголовной ответственности за то, что она склонила другое лицо сделать ей аборт». Такое решение представляется обоснованным. В противном случае субъект преступления и потерпевший совпадали бы в одном лице, что противоречит требованиям раз-

умности и целесообразности. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является только мать новорожденного ребенка.

4. Субъективная сторона ст. 106 УК РФ представлена прямым и косвенным умыслом, а при незаконном производстве аборта – только прямым умыслом: виновный сознает, что осуществляет незаконные действия, направленные на искусственное прерывание беременности, и желает этого.

ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВА НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Объект посягательства имеет свою специфику. Общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья и жизни потерпевшей, – объект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 123 УК РФ, а здоровье или жизнь – объект преступления, предусмотренного ч. 3 данной статьи. Относительно понимания характера объективной стороны основного состава незаконного проведения искусственного прерывания беременности (ч. 1 ст. 123 УК РФ) в современной отечественной уголовно-правовой теории нет единства. Следует заметить, что и в советский период учеными по-разному определялись объективная сторона и момент окончания данного преступления.

Что касается современной доктрины уголовного права, то в ней наблюдается аналогичная проблема понимания сущности объективной стороны незаконного проведения искусственного прерывания беременности. По справедливому мнению П.С. Яни, возникновение подобной проблемы напрямую связано с «недостаточной ясностью описания в законе признаков некоторых составов преступных деяний, ввиду чего порой непросто определить, следует ли результат действий (бездействия) виновного относить к общественно опасным последствиям как признаку состава и является ли, стало быть, такой состав материальным либо формальным». Так, в частности, в диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ законодатель применительно к прерыванию беременности использует термин «проведение», который трактуется в юридической литературе по-разному, как процесс либо как результат, что и ведет к возникновению противоположных мнений. Абсолютно обоснованно и верно задается вопросом П.С. Яни: «Требуется ли для вменения оконченного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 123 УК, результат в виде изгнания плода, или для вменения оконченного проведения искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, достаточно совершения собственно действий, непосредственно направленных на искусственное завершение беременности?».

Некоторые ученые однозначно называют анализируемое деяние материальным составом, в котором последствием выступает прерывание беременности. Так, И.А. Киселева и Е.Н. Безруков пишут, что «объективная сторона состава преступления выражается в деянии, направленном на прерывание беременности любыми способа-

ми. Что касается момента окончания преступления, по нашему мнению, этим моментом становится время изгнания плода из утробы матери или гибели плода в ее чреве, все равно это приводит к тому, что беременность прервана». Солидарны с ними также С. Тасаков и А. Шумилов, отмечающие, что «объективная сторона выражается в совершении активных действий, направленных на искусственное прерывание беременности вопреки установленным действующим законодательством правилам, и преступление считается оконченным с момента изгнания плода человека из утробы матери». Т.В. Долголенко, помимо прочего, подчеркивает необходимость установления причинной связи между соответствующими действиями и последствиями: «...выражается в действии, направленном на изгнание плода, последствии – прерывании беременности, причинной связи...».

Другие авторы, считающие проведение прерывания беременности материальным составом, несколько невнятно описывают преступные последствия. Например, С.И. Михайличенко так характеризует объективную сторону рассматриваемого преступления: «Деяние признается оконченным с момента внедрения в полость матки беременной женщины инородной субстанции и наступления опасных и вредных для организма беременной женщины последствий». Н.А. Огнерубов указывает: «В качестве последствия аборта предполагается причинение вреда здоровью женщины, хотя в диспозиции нормы о нем не говорится». Думается, что следствие соответствующего преступления при понимании его как материального состава может быть лишь одно – прерывание беременности, остальные возможные последствия лежат вне его состава.

Следующая группа авторов определяет незаконное проведение искусственного прерывания беременности составом с формальной конструкцией, тем не менее считая моментом окончания также факт прерывания беременности. Следует согласиться с П.С. Яни, который подмечает, что «представители теории преимущественно полагают состав формальным, но изгнание плода тем не менее включающим. То есть соответствующий преступный результат они к общественно опасным последствиям не относят» [2]. А.И. Коробеев указывает, что «законодатель имеет в виду свершившийся факт плодозгнания, а не процесс осуществления этой операции» [1]. Подобным образом думает и М.

Киселева: «Преступление является оконченным после проведения операции по изгнанию эмбриона (плода). При этом не имеет значения, причинен ли какой-либо вред здоровью женщины». Аналогично отмечает В.С. Комиссаров: «Преступление считается оконченным с момента производства аборта, т. е. изгнания плода, независимо от наступивших последствий», А.В. Наумов пишет: «Состав – формальный. Признается оконченным после производства операции по изгнанию плода независимо от того, причинен ли при этом какой-либо вред здоровью женщины».

Интересно мнение Л.А. Лозанович, которая считает, что «оконченным составом криминального аборта является не только изгнание плода, но и наступление любого другого результата, связанного с прерыванием беременности», называя при этом его формальным составом.

Иными словами, автор в формальном составе преступления прямо указывает на наступление результата, что видится ошибочным. При анализе позиции перечисленных ученых представляется, что прерывание беременности – это скорее преступные последствия, которые наступают в результате соответствующих действий по изгнанию (умерщвлению) плода, а не свойство совершенного деяния.

И наконец, ряд авторов характеризуют незаконное проведение искусственного прерывания беременности как формальный состав, а моментом его окончания считают совершение действий, направленных на прерывание беременности. Как небезосновательно отмечает П.С. Яни, «словосочетание «проведение искусственного прерывания беременности» в недостаточной степени свидетельствует о включении законодателем в объективную сторону обсуждаемого деяния результата в виде добровольного, пусть и с помощью другого лица, несущего ответственность по ст. 123 УК, избавления женщины от плода».

Придерживается такого мнения и Р.Ю. Смирнов: «...в признаках объективной стороны не содержится указаний на реально наступившие изменения объекта воздействия...». Позиция указанных авторов видится наиболее верной, так как действительно в диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ законодатель использует термин «проведение», характеризующий начавшийся процесс прерывания беременности, а никак не результат этого процесса в виде прерванной беременности. Кроме того, подобное понимание момента окончания имеет существенное превентивное значение вследствие того, что преступление признается оконченным с момента совершения первого действия, направленного на прерывание беременности. Общеизвестным является факт, согласно которому сам по себе процесс осуществления криминального прерывания беременности создает существенную угрозу жизни и здоровью женщины. Вне всяких сомнений должна осуществляться усиленная (повышенная) правовая защита жизни и здоровья беременной женщины. Помимо этого, такое восприятие момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 123 УК РФ, «снимает» проблему квалификации незаконного проведения прерывания беременности на поздних сроках (свыше 28 недель), в результате которого произошло преждевременное рождение жизнеспособного ребенка.

Стоит обратить внимание на такой интересный факт: М.В. Киселева в автореферате диссертации относит преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 123 УК РФ, к преступлениям «с усеченным составом, так как из буквального толкования ч. 1 ст. 123 УК РФ (если считать, что аборт – это совокупность действий, направленных на изгнание или умерщвление эмбриона (плода)) не следует, что в результате преступных действий виновного беременность потерпевшей обязательно должна быть прервана», в то время как в научной статье, опубликованной ранее (цитата из нее приведена выше), она связывала момент окончания преступления с прерыванием беременности. Как видно, приведенный автор принципиально поменял свою позицию. М.В. Киселева предлагает в примечании к ст. 123 УК РФ закрепить понятие «прерывание беременности» для целей этой статьи.

В свою очередь, К.В. Дядюн считает нужным «для разрешения указанных противоречий отобразить в соответствующем акте Пленума Верховного Суда РФ момент окончания рассматриваемого преступного деяния: начало совершения незаконных действий, направленных на прерывание беременности». Учитывая представленные предложения, следует сделать следующие замечания: во-первых, с точки зрения законодательной техники момент окончания целесообразней раскрыть в диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, чем в ее примечании, во-вторых, в настоящее время отсутствует какой-либо акт судебного толкования (постановление Пленума Верховного Суда РФ), посвященный вопросам квалификации незаконного проведения искусственного прерывания беременности или каких-либо смежных преступлений против здоровья либо ставящих жизнь и здоровье в опасность, а создание отдельно для указанной нормы соответствующего акта представляется излишним.

Законодатель особо отметил специфику субъекта преступления, который должен быть лицом вменяемым, достигшим 16 лет и не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Это означает, что виновный не имеет высшего медицинского образования по гинекологической специальности. Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ НЕЗАКОННОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Квалифицированный состав преступления (ч. 3 ст. 123 УК РФ) признается более опасным и предполагает наступление весьма тяжелых последствий: неосторожное причинение потерпевшей женщине смерти либо тяжкого вреда ее здоровью. При этом важно установить наличие причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями. В этом случае субъективная сторона характеризуется двойной формой вины: действия виновного по прерыванию беременности совершаются умышленно, тяжкие последствия наступают

ввиду неосторожности виновного. Если виновный действует умышленно и вопреки желанию беременной женщины, то его действия следует квалифицировать по статьям об убийстве либо о причинении вреда здоровью.

Переходя к рассмотрению последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 123 УК РФ, необходимо указать, что в целях установления причины смерти потерпевшей либо характера тяжести наступившего вреда ее здоровью производится судебно-медицинская экспертиза, порядок осуществления которой регламентируется положениями УПК РФ.

В юридической литературе высказано предположение о том, что квалифицирующий признак незаконного проведения искусственного прерывания беременности в виде причинения тяжкого вреда здоровью излишен, потому как прерывание беременности и есть тяжкий вред здоровью как таковой. В частности, К.С. Широков пишет следующее: «следует обратить внимание и на такой казус: ч. 3 ст. 123 УК РФ предусматривает причинение тяжкого вреда здоровью пациентки в качестве квалифицирующего признака незаконного прерывания беременности, однако само по себе прерывание беременности является причинением тяжкого вреда здоровью». В этой связи хотелось бы указать, что тяжкий вред здоровью потерпевшей должен наступить помимо прерывания беременности, а точнее, вследствие ее прерывания.

Тяжкий вред здоровью либо смерть женщины могут наступить в процессе искусственного прерывания беременности, после его окончания, а также по прошествии определенного времени. В этой связи следует подчеркнуть, что установление причинно-следственной связи между незаконным проведением искусственного прерывания беременности и наступившими последствиями является принципиальным. Установлению причинно-следственной связи между проведением искусственного прерывания беременности и наступившими преступными последствиями в виде смерти или причинения тяжкого вреда здоровью сопутствуют некоторые сложности вследствие присутствия значительного количества разнообразных факторов, воздействовавших на ее возникновение и дальнейшее развитие. Причинно-следствен-

ная связь может присутствовать только в том случае, если прерывание беременности предшествовало наступившему преступному результату и было необходимым условием его наступления. Кроме того, проведение прерывания беременности должно создавать действительную возможность наступления соответствующего преступного результата. Иначе причинно-следственная связь между прерыванием беременности и преступным результатом отсутствует. Тяжкий вред здоровью или смерть могут быть вызваны не проведением искусственного прерывания беременности, а другими факторами, к числу которых могут относиться следующие: индивидуальные особенности организма женщины, имеющиеся у нее какие-либо заболевания или патологии, поведение самой женщины либо третьих лиц и т. д.

Из всего вышеизложенного можно сказать, что объективная сторона преступления состоит в выполнении действий, направленных на искусственное прерывание беременности. Способ осуществления действия не имеет значения для квалификации. Состав преступления по ч. 1 ст. 123 УК РФ по конструкции является формальным. Момент окончания не зависит от наступления вредных последствий, достаточно совершить действия по прерыванию беременности. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности необходимо отграничивать от убийства матерью новорожденного ребенка по следующим основаниям: объект преступления, объ-

ективная сторона преступления, субъект преступления, субъективная сторона преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 декабря 2013 г. № 48, ст. 6165.
4. Иванов, А.О. Отграничение незаконного производства аборта от убийства матерью новорожденного ребенка // Молодые ученые. 2016. – № 7. – С. 201.
5. Дядюн, К.В. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности: проблемы квалификации И Адвокат. 2016. – № 4. – С. 30-37.